

Таким образом, можно сделать вывод, что 90-е гг. XX в. — сложный период во взаимоотношениях между Беларусью и славянскими странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Условно его можно разделить на два этапа. Первая половина характеризуется спадом сотрудничества во всех сферах. Это объясняется как политическими переориентациями в обоих государствах, так и экономическими трудностями. В области культуры первая половина 90-х гг. — это период консультаций и переговоров между Министерствами иностранных дел, Министерствами культуры государств по созданию договорно-правовой базы. Вторая половина этого периода характеризуется восстановлением и развитием культурного сотрудничества в области литературы, связей городов-побратимов, проведением национальных Дней культуры в славянских странах и др.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Аб культуры ў Беларускай ССР, 4 чэрвеня 1991 г. // Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. 1991. № 20. С.38 — 52.
2. Выступление министра иностранных дел П. Кравченко на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Советская Белоруссия. 1991. 5 окт.
3. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Болгария о дружественных отношениях и сотрудничестве. Статья 13 // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. 1994. № 28. С. 12 — 26.
4. О побратимских связях городов Беларуси. // Текущий архив Белорусской ассоциации породненных городов. Д. 2. Л. 3 — 8.
5. Шадурский В. Г. Внешняя культурная политика Республики Беларусь: состояние и проблемы // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 4. С. 50-58.

Vashchilko G. G.

#### CULTURAL COLLABORATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND SLAVONIC COUNTRIES OF CENTRAL AND SOUTH-EASTERN EUROPE

*After USSR collapse the Republic of Belarus faced the problem of restoration of cultural collaboration with Slavonic Countries of Central & South-Eastern Europe. The article shows the process of the legislative basis formation of the international cultural collaboration of Belarus. It also describes the steps of twin-cities connections, celebrating of the Days of national culture of Slavonic Countries, etc.*

#### ЭТНОС И КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Чернявская Ю. В.,  
кандидат культурологии, докторант кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств

За пятнадцать лет своего существования на постсоветском пространстве культурология пережила бурный подъем, породив множество работ, концепций, теорий, однако при этом статус ее остался неочерченным, а подчас и сомнительным. Причина этого, прежде всего, в разности результатов естественных и гуманитарных наук. Результаты естественной науки всегда налицо. Не то в науке гуманитарной, афористически названной В. Дильтеем наукой о духе: ведь развитие духа всегда чрезвычайно длительный процесс. Угнетающие последствия недооценки бездуховности хорошо известны, потому говорить об этом мы считаем лишним. Но не менее важно и другое: пока мы не формализуем культурологию как совокупность конкретных наук, обладающую не произвольным, но поистине научным характером, до тех пор ее поле будет неочерченным, а курс — невнятным.

С этой целью представляется первостепенным выделить сферы культурологии, те поля «рефлексии», в которых она может плодотворно развиваться. Одно из них — этническая культурология (этнокультурология). Значимость этой науки в наше время, время «этнического парадокса современности», очевидна. Основная и конечная ее цель — помочь народам найти общий язык, выра-

ботать систему общих значений и ценностей, помогающих их толерантному взаимодействию и при этом избежать тенденций культурной унификации, амортизации национального достоинства и следующей за ними ассимиляции. Как и другие национально-культурные сообщества мира, Республика Беларусь находится в средоточии современных веяний — как позитивных, так и негативных. Более того, у нас они усугублены двумя факторами — внешним и внутренним: 1) «культурно-транзитарным» геополитическим статусом; 2) полиэтническим и поликультурным составом населения (на данный момент число этнических групп, проживающих в РБ, близится к ста пятидесяти).

При всей своей бесспорной актуальности задача нахождения общих контрапунктов и при этом сохранения самобытности народов по сей день находится в кругу неразрешенных проблем. Мы полагаем, что разрешена она может быть лишь в том случае, если первоначально будет выделена сфера, объединяющая труды ученых по этой проблематике, т. е. сфера этнической культурологии. О том, что необходимость такого выделения назрела, свидетельствует появление этого термина в работах некоторых современных авторов — А. Флиера, Н. Лабзенко, Ф. Эфендиева, В. Крысько.

Но при этом очевидно, что о научном статусе этой области знаний как о свершившемся факте говорить преждевременно, т. к.: 1) попытки дефинирования этнокультурологии встречаются в учебниках, но не в научных изданиях; 2) они чрезвычайно произвольны, не связаны друг с другом и находятся вне четкого методологического контекста; 3) определения предметного поля этнокультурологии единичны и неудовлетворительны.

Во-первых, как правило, они чрезвычайно узки. Во-вторых, внеспецифичны и, как следствие, эклектичны. Приведем пример дефиниции, которая совместила все эти недостатки. Так, по мнению В. Крысько, этнокультурология — «отрасль культурологической науки, которая считает влияние культурной среды определяющим фактором этнопсихических характеристик народов. По ее мнению, культура начинается с того, что на поведение людей накладываются ограничения, так как целостность культурной среды предполагает выработку единых правил поведения, наличие общей национальной памяти, единой картины мира у представителей одного этноса. В процессе исторического развития каждый народ создает собственную однородную систему культурных ценностей, которые используются его членами для выражения своего этнического сознания» [2, с. 9]. Несмотря на то, что в этой дефиниции намечены некоторые действительно опорные моменты (в частности, фиксируется внимание на фундаментальном для культурологии понятии «картина мира»), оно представляется слишком узким и, кроме того, сливается с определениями смежных дисциплин и подходов. Если этническая культурология изучает культуру как нечто репрессирующее индивида, то каким образом отличить культурологический подход от психоаналитического? Помимо того, при таком понимании культура приобретает характер всемогущего волшебника, а личность нивелируется до незначущего «винтика». Подобным культуроцентрическим перегибом грешат многие работы 40–70-х гг. XX в. (Р. Бенедикт, А. Кардинера, Д. Горера и др.), но к настоящему времени ограниченность такого отношения к личности и культуре уже стала явной. Наконец, эта дефиниция, безусловно, не отражает самобытного характера этнокультурологии в сравнении с другими науками, исследующими этнос. Так, о культурной среде как о факторе, определяющем этнопсихические характеристики народов, о единых поведенческих моделях пишут далеко не только культурологи, но и практически все исследователи этносов — и этнографы, и психологи, и социологи, и историки ментальностей, уж не говоря о школе Культура и Личность и ее продолжении — психологической антропологии. Если мы сопоставим это определение с дефинициями смежных дисциплин того же автора, то убедимся, что понятие этнической культурологии сливается и с понятием культурной антропологии (как отрасли науки, занимающейся «изучением человека как представителя различных культур, национальных общностей») [там же], и с этносоциологией, призванной исследовать «национальное сознание и самосознание», этнопсихологией, «изучающей национальные особенности психики человека и групп людей» [2, с. 4], и т.д.

А. Флиер определяет этнокультурологию как самостоятельную науку, исследующую культурные системы (конфигурации), складывающиеся по этнотерриториальному, этнополитическому, этносоциальному и этноконфессиональному признакам. Она, по Флиеру, исследует «доклассовые

этноплеменные и позднейшие этнические, субэтнические и национальные культуры как системно-иерархические нормативные комплексы, основанные преимущественно на внеинституциональных (традиционных) и мемориальных механизмах поддержания и трансляции регулятивных установок социального бытия» [3, с. 56]. Безусловно, это определение гораздо более специфично и логически выверено. Но его серьезным недочетом остается узость. Причины, по которым автор подчеркивает традиционный характер объекта этнокультурологии, понятны. В частности, таковой является сложившееся на сей день разделение общностей на этносы и нации. Однако нация всегда имеет этническое ядро, являя собой единство этнического и социального (государственно-идеологического). Даже если исходить из идеи конструктивизма о том, что нация существует как воображаемое сообщество (Б. Андерсон), в создании которого преобладают нужды государства и различных — правящих, интеллектуальных, функциональных, духовных — элит, то и тогда этнический аспект не исчезает. Во-первых, он продолжает существовать на уровне повседневности, во-вторых, политическая идеология строит нацию, используя в первую очередь, этническое самосознание. Так что изъятие национальных образований из объекта этнокультурологии неправомерно.

Озадачивает и фиксация авторов исключительно на нормативно-регулятивным характере этнической культуры. Создается впечатление, что последняя существует лишь в качестве жесткого каркасного образования, где нет ни этнических ценностей, ни культурных смыслов, ни общественных идеалов. В определении А. Флиера обращает на себя внимание отсутствие личности. Этническая культурология для обоих авторов связана исключительно с общностью, в то время как именно личность — носительница культурной динамики и в этом своем качестве не может не являться одним из объектов исследования любой «науки о духе».

Причина, по которой мы не обращаемся в этом кратком обзоре к зарубежным авторам, очевидна. Западная традиция не выделяет этнокультурологии (как и культурологии) в качестве особой науки. При этом в Европе и в США существует давняя традиция этнокультурологических исследований и большое поле наработок по этой проблематике. Изначально дело в том, что само слово «культурология», автором которого был Л. Уайт, на Западе не прижилось: коллеги закрепили термин как варваризм, а Уайта как выскочку. Такая реакция была обусловлена следующим обстоятельством: в 1949 г., когда Уайт ввел свой термин, культура уже была устойчиво приоритетным объектом исследования многих других наук. Что же касается термина «этнокультурология», то он не мог привиться в США и в целом на Западе еще и потому, что слово «культура» в англоязычной традиции имеет отчетливый этнографический аспект, а потому понятие «этническая культурология» звучало бы тавтологично. Этнокультурологические исследования за рубежом проводятся в рамках культурной, когнитивной и психологической антропологии; культурно-исторической и кросс-культурной психологии; этнометодологии; социальной психологии, социологии межэтнических отношений и т.д.

Наибольшее число точек пересечения этнокультурология в нашем понимании имеет с психологической антропологией, в которой поставлены основные проблемы бытия человека в этнической действительности, а следовательно — проблемы его самосознания, идентичности, установок и ориентации в отношении к представителям своей и чужой культур. Однако этнокультурология, на наш взгляд, является социально-ориентированной дисциплиной в силу неразрывности понятий «общество» и «культура», а также в силу понимания этноса как выражения определенного типа социальной общности. Потому этнокультурология не может игнорировать достижений социологии, главным образом, социологии межэтнических отношений. И наконец, трудно преувеличить важность открытий, сделанных в культурной антропологии. Миф, язык, коммуникация, ритуалы и обычаи, ценности и нормы, идеи и идеалы народов — эти и другие феномены культуры, являясь объектом исследования культурной антропологии, имеют прямое отношение к этнической культурологии.

Таким образом, зарождающаяся наука, которую мы представляем в этой работе, имеет три неразрывно связанных объекта — личность, этническую общность и культуру этноса — и соответственно три основных источника — психологическую антропологию, социологию и культурную антропологию. При этом она коррелирует и с другими науками, о которых мы говорили выше.

Что же, с нашей точки зрения, должно входить в предмет этнической культурологии?

В первую очередь, это исторически-уникальные формы духовной культуры, в которых опредмечиваются ценностно-смысловые доминанты этносов, и воздействие этих в каждом случае своеобразных форм на внутренний мир и модели поведения личности. Но этого недостаточно, т.к. воздействие этнической культуры на личность этнофора (представителя этнической общности) не может быть односторонним. Потому предметом этнической культурологии являются также те механизмы и способы, посредством которых мысли, эмоции, действия людей выражаются в культуре. В совокупности эта взаимонаправленность образует общее «пространство» этноса, которое мы будем называть «этнической действительностью». Она задает общий для представителей этноса контекст, или «поле подразумеваемого», которое имеет «фоновый» характер, т. е. внятно всем представителям данной культуры без слов и объяснений. И этническая действительность, и этническое поле подразумеваемого являются важными составляющими предмета этнокультурологии.

Цель этнокультурологического исследования состоит в анализе того, как личность воспринимает, познает, чувствует и действует в условиях различных культур и каким образом мысли, чувства, действия этнофора создают культуру во всем ее своеобразии. Но прежде чем приступить к реализации этой цели, следует учитывать, что существует и еще одна, на данный момент более важная цель, сверхцель — определить основные «точки опоры», в соответствии с которыми может формироваться и развиваться новая наука — этническая культурология.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать многочисленные исследования по смежным гуманитарным дисциплинам и на их основе сконструировать единое проблемное поле этой области познания;
- раскрыть понятие культуры в применении к этническим общностям;
- определить основные характеристики этноса как социальной общности;
- выявить наиболее существенные точки соприкосновения и взаимовлияния этнической культуры и личности (этнофора);
- исследовать культурные установки, смыслы, ценности, идеалы как константы этнической действительности;
- определить специфику этнического контекста (поля подразумеваемого) и культурного пространства этноса;
- выявить и проанализировать основные характеристики этнической общности и установить, каким образом они преломляются в картине мира и моделях жизнедеятельности этнофоров, в различных сферах культуры этносов;
- рассмотреть и проанализировать структуру личностной этничности человека (этнокультурное самосознание, идентичность, Self и т.д.).
- раскрыть роль личности в системе внутриэтнических и межэтнических отношений;
- проследить динамику этнической культуры с тем, чтобы получить материал для прогнозирования ее будущего.

Значимость и актуальность этих и других этнокультурных проблем трудно переоценить, особенно в наше время — в эпоху, когда бытие стран и народов становится все более проблематичным. Сегодняшним миром правят две противоположные тенденции: с одной стороны, тенденция глобализации, с другой — стремление к сепаратизму, к мононациональной замкнутости, во многом обусловленное унифицирующими формами, которые принимает процесс глобализации. Несовпадение мировоззрений разных народов при условии сосуществования в «глобальной деревне» (термин М. Маклюэна) затрудняет взаимопонимание этносов и зачастую приводит к кровопролитию. А осознание стирания самобытности своей общности, растворения ее ценностей в потоке безликой культуры масс-медиа внушает резонные опасения за судьбу собственной культуры, что нередко вынуждает народы искать «виноватых» среди других этносов, выискивать в анналах памяти действительные или мнимые обиды и создавать «образы врага», что чревато самыми печальными последствиями. Этнокультурология призвана всесторонне осмыслить, а в конечной цели — и разрешить этот парадокс. Но при этом следует понимать, что здесь необходим совокупный кропотливый и многолетний труд многих исследователей. Как писал Дж. Деверо,

«теоретик должен смириться с тем, что его работа — одна из многих почти успешных попыток Сизифа вкатить камень на вершину горы» [1, с. 163]. Потому цель нашего доклада была гораздо более скромна — наметить проблемное поле этнокультурологического исследования и означить некоторые наиболее существенные его аспекты, а также — наиболее плодотворные области и пути научного анализа.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Деверо Дж. О работах Джорджа Деверо // Личность, культура, этнос: Современная психологическая антропология / Под общей ред. А. А. Белика. М., 2001. С. 134–174.
2. Крысько В. Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2002.
3. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: Учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М., 2000.

*Charniauskaia Y. V.*

#### *ETHNOS AND CULTURE IN THE MODERN HUMANITARIAN DISCOURSE: THE PROBLEM OF DELIMITATION OF ETHNIC CULTURAL SCIENCE*

*The theme of the report is the delimitation of a new science (ethnic cultural science) with other scientific disciplines and definition of its purposes, problems and the subject. The urgency of ethnic cultural science is connected with its necessity for the modern world where the «ethnic paradox» operates.*

#### ИСТОКИ И СВЯЗИ:

#### ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ-СЮРРЕАЛИЗМ-ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР

Кляуззе В. П.,  
кандидат искусствоведения, заведующий отделом НИИ труда Министерства труда и соцзащиты Республики Беларусь

В философии почти с момента ее зарождения было принято деление действительности на мир объективный, физический, существующий независимо от человека и субъективный мир.

В этом плане для нас интересен аспект впервые предложенный к обсуждению агностиками, последователями Авенариуса и Маха, и впоследствии безжалостно раскритикованный В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Эта работа являет собой пример того, как в споре побеждает не истина, а просто лучший полемист.

Эмпириокритицизм обычно рассматривается как один из этапов развития позитивизма и связывается с именами Маха и Авенариуса, отказавшихся даже от формального признания объективно реальных объектов, которого еще придерживались представители раннего позитивизма. В махизме проблемы познания истолковываются с позиций крайнего психологизма, переходящего в субъективизм.

Основу учения Маха составляет его теория экономии мышления, когда «экономнее» всего познание мира свести к собственному «Я» и «моим ощущениям». Понятия рассматриваются как символы, обозначающие «комплексы ощущений». Познание интерпретируется как адаптационный процесс биологического порядка, как процедура «восстановления равновесия», как субъективная окраска элементов среды, и комплекс представлений нашего «Я» является результатом адаптации к среде. По Авенариусу, содержание опыта включает в себя то, что есть данное из «меня», из соответствующей среды и из зависимостей между фрагментами опыта. В результате достигается абсолютная взаимозависимость субъекта и объекта. Свойство мозга отражать и познавать внешний мир представляется как звено в развитии процессов, связанных с передачей и переработкой информации, и реализуется как свойство материи (свойство отражения).

Вопрос находится на стыке идеализма и материализма, что не мешало представителям каждого из направлений — Маху, Авенариусу и нашему соотечественнику Богданову внести свой вклад. Был выдвинут тезис о том, что элементы опыта не являются ни физическими, ни психичес-